
ИСТОРИОГРАФИЯ. ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ. МЕТОДОЛОГИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

УДК 94(517)
ББК 63.3

Э.В. БАТУНАЕВ
А.Д. ГОМБОЖАПОВ

ЗАМЕТКИ О РАБОТАХ ЗАРУБЕЖНЫХ МОНГОЛОВЕДОВ*

Статья посвящена историографическому обзору работ зарубежных монголоведов, в которых представлена эволюция взглядов западной историографии в различных аспектах монголоведения. На основе анализа выявляются общие тенденции, перспективные направления, методологические подходы в развитии зарубежных монголоведческих исследований.

Ключевые слова: Монголия, западная историография, монголоведение, зарубежные монголоведческие исследования.

E. V. BATUNAEV,
A. D. GOMBOZHAPOV

NOTES ON THE WORK OF FOREIGN MONGOLIANS

The article is devoted to the historiographical review of the works of foreign mongologists, the evolution of the views of western historiography in various aspects of mongology is presented. Based on the analysis, general tendencies, perspective directions, methodological approaches in the development of foreign mongolian studies are revealed.

Keywords: Mongolia, Western historiography, Mongolian studies, foreign Mongolian studies.

Западное монголоведение стало самостоятельным научным направлением лишь после Второй мировой войны. Широкое развитие изучения Монголии в послевоенные годы приняло в США (Вашингтонский, Колумбийский, Гарвардский, Индианский университеты), Германии (Боннский университет), Великобритании (Кембриджский, Лидский, Лондонский университеты), Франции (Парижский университет) и в других научных центрах. Отмечается рост интереса к изучению новейшей истории Монголии, ее политики, международного положения, экономики и государственного устройства. Причины столь пристального интереса монголоведения на Западе были связаны с послевоенным устройством, образованием мировой социалистической системы, идеологическим и

* Работа выполнена в рамках государственного задания ИМБТ СО РАН по проекту № 0338-2016-0003 «Межкультурное взаимодействие, этнические и социально-политические процессы в Центральной Азии».

политическим противостоянием СССР и Запада. Наиболее характерная черта западной монголистики, как и востоковедения в целом, решительный поворот к современности, изучение наиболее актуальных в политическом отношении проблем новейшей истории Монголии.

Послевоенный период как для западной, так и советской историографии был обусловлен жестким идеологическим противостоянием и обоюдной критикой по различным аспектам монголоведения. Необходимо отметить, что историография в данный период была инструментом идеологической борьбы как советских, так и западных исследователей. Наиболее значительными работами российских ученых, изучающими проблемы новейшей истории МНР в западной историографии, стали труды М.И. Гольмана, в которых автор выделяет два подхода. К первому он относит классиков американского монголоведения А. Мостаерта, Ф. Клиффса, Г. Серройса, О. Латтимора. Второе течение представлено именами таких исследователей как У. Баллис, Р. Рупен, Дж. Мэрфи [1, с. 24]. Большинство из этих трудов страдают тенденциозностью, особенно в освещении монгольско-советских отношений. Особое внимание, например, в трудах Р. Рупена посвящено развитию национальной идеи, объединения монгольязычных народов, вопросам социально-экономической и политической истории МНР [40]. Основные направления критики советской исторической школы в работах Р. Рупена, Ч. Боудена сводились к отрицанию закономерности революции, а главный акцент делался в основном на ее экспорте из Советской России [39]. По мнению М.И. Гольмана, эти работы отражают определенный политический заказ, основанный на фальсификации истории МНР [1, с. 21]. На базе исследований Ч. Боудена, О. Латиммора, Р. Рупена, П. Тана, Дж. Фритерса и др. западных монголоведов была прослежена сложная и противоречивая история Монголии в XIX — первой половине XX в., а также политика царской и советской России в Монголии. Большинство исследователей сходятся во мнении, что проблема формирования монгольского национализма и государственности была во многом predeterminedена влиянием России и Китая в указанный период [15; 22; 36; 39; 40].

На, наш взгляд, различие подходов западных исследователей, главным образом, заключается в том, что одни авторы считали, что наивысшую опасность для монгольской государственности представлял Китай, а другие видели главного врага монголов в лице России, особенно активизировавшейся в Монголии в советский период благодаря Коминтерну и МНРП. Отдельные вопросы международного статуса и развития МНР, ее отношений с СССР, Китаем, Японией рассматривались в работах О. Латтимора, которому принадлежит пальма первенства в постановке проблем новейшей истории МНР как объекта исследования в американской историографии. В своих работах О. Латтимор пришел к выводу о том, что в рамках политики опоры монголов на Советский Союз, его

опыт и практическую помощь было основано новое независимое государство Монгольская Народная Республика.

Необходимо отметить, что О. Латтимор является основателем «концепции сателлитизма», которая развивалась в русле советско-монгольских отношений [3, с. 229]. Суть ее состояла в том, что МНР не имела собственной внутренней и внешней политики, выступала в роли «сателлита» СССР и находилась под его диктатом. В поздний период своего творчества О. Латтимор предпочел отказаться от данного термина, посчитав его некорректным для более полного и объективного описания советско-монгольских отношений. Американский ученый, специалист по международным отношениям Дж. Фритерс рассматривает историю внешнеполитических связей МНР международно-правовой статус и внешнюю политику Монголии в период автономии и после революции 1921 г. в совокупности внутренних и внешних факторов [22].

С началом демократических преобразований в Монголии предметом исследования западных ученых стали работы аналитического и публицистического характера, касающиеся проблем номадизма, политических репрессий в 30-е гг., переходного периода к рыночной экономике, монгольской идентичности. Исследования американского антрополога Кристофера Каплонского посвящены проблемам национальной идентичности и демократизации, политическим репрессиям и ламскому вопросу в Монголии [28–31]. К. Каплонски детально рассматривает роль показательных процессов, проводимых новой властью, как предвестников политического насилия на примере судебного процесса над высшими духовными иерархами буддийской церкви в Монголии. Автор приходит к мысли, что государственное насилие стало орудием во внутрипартийной борьбе между «правыми» и «левыми» в рядах МНРП. Ряд работ К. Каплонского посвящена монгольскому национализму, который, по мнению автора, перестал быть агрессивным, нацеленным, как это имело место в ходе революционных событий конца 80-х — начала 90-х гг. прошлого века, против России и Китая, а повернулся в сторону внутренних проблем, в том числе и в сфере межэтнических отношений между халхасцами, ойратами и казахами [29, с. 361]. К. Каплонски, исследуя тему образов Чингисхана в постсоциалистической Монголии, выявил зависимость между политическими предпочтениями граждан и их восприятием великого хана. Он указывает на то, что для монгольских демократов Чингисхан представлялся «демократическим правителем и законодателем». Для сторонников более жесткой политической власти он был «сильным влиятельным правителем, харизматической фигурой, способной вывести страну из болота, в котором она оказалась сегодня [30, с. 148]. Среди современных западных ученых необходимо отметить работы немецкого монголоведа У. Баркмана. Круг исследования У. Баркмана чрезвычайно широк: от истории и политики МНРП до религиозного

плюрализма и возрождения ламаизма; от советско-монгольских отношений до геополитической ситуации в стране и формирования новой политической элиты до трансформации скотоводства и семьи в условиях перехода к рынку [13; 14]. Особый интерес представляет работа У. Бакмана «Возрождение буддизма в Монголии». Данная работа раскрывает глубинные процессы взаимоотношений монгольского буддизма и национализма, рассматривает их взаимосвязь с идеями панмонголизма и участие в национально-освободительном движении в Монголии [43].

В работе известного американского сино-монголоведа М. Россаби «Современная Монголия: от ханов к комиссарам и к капиталистам» дан подробный анализ всего комплекса проблем политического, экономического и культурного развития постсоциалистической истории Монголии в 1990–2004 гг. и ее места в современном мире [38]. Во время поездок ему удалось проинтервьюировать за 1994–2003 гг., по его подсчетам, 146 представителей всех слоев населения, в том числе 29 известных политических и общественных деятелей из высшего эшелона общества, включая двух президентов, восьми премьеров, руководителей основных политических партий, депутатов ВГХ и т.п. [38, с. 7]. Полученные данные опросов стали главным источником и легли в основу его исследования. Большое внимание в монографии М. Россаби уделяется становлению и развитию демократического движения в Монголии, в котором активную роль сыграли молодые демократы С. Зориг, Ц. Элбэгдорж, С. Амарсана, Э. Бат-Ул, Б. Батбаяр, С. Оюун [38, с. 4]. По мнению автора «Эта книга является конкретным исследованием попыток верных приверженцев рыночной экономики, как монголов, так и иностранцев, перестроить политическую, экономическую, социальную и культурную жизнь Монголии посредством рыночной экономики, о которой большинство монголов имеет ограниченное представление. Последовавшие шоковая терапия, приватизация, минимизация государственного управления, распродажа госпредприятий привели в результате к определенным политическим достижениям (стабильность, мирный переход власти от одной партии к другой), но также к безработице, бедности, растущему разрыву в распределении доходов и сокращению помощи государства искусству, культуре и сохранению окружающей среды» [38, с. 10].

Отдельно в монголоведных исследованиях необходимо выделить направление, посвященное изучению трансформации монгольского социума. Актуальность многоаспектной тематики кардинальных общественных преобразований, происходящих в последние десятилетия в Монголии, определила всплеск и широкий спектр исследовательских работ, которые условно можно разделить на два крупных блока. Принципиально важным моментом при этом разделении служит многослойный и противоречивый характер социальной структуры монгольского общества. Отличительной чертой является одновременное существование

различных типов социальной организации: традиционного и современного урбанизированного общества. В связи с этим, можно выделить блок исследований, предметом которых является изучение непосредственно модернизации кочевничества. В то же время, наблюдается рост исследований, направленных на изучение трансформации социально-политической и экономической систем Монголии, вызванной сменой метапарадигмы развития. Серьезному анализу, в этой связи, подвергаются процессы конструирования этнической и национальной идентичности [5; 38], истоки которых прослеживаются с момента обретения независимости. В условиях активно идущих процессов глобализации и в рамках дискурса национально-культурного возрождения происходит переосмысление и обновление образа Чингисхана [17].

В первом направлении можно выделить фундаментальную работу «Конец номадизма? Общество, государство и окружающая среда во Внутренней Азии» К. Хамфри и Д. Снита [23]. В книге на основе сравнительного материала анализируются экономические, экологические и социальные последствия внутренней политики трех государств Китая, России и Монголии в отношении скотоводов, а также приводится описание того, как они справились с последствиями распада Советского Союза и деколлективизации Китая. Авторы исследуют различные пути адаптации кочевников в этих странах как ответ на меняющиеся социально-политические ориентиры. Изучая, как каждая кочевая культура сталкивается не только с разными перспективами устойчивого развития, но и с различными экологическими проблемами, авторский коллектив приходит к выводу о том, что кочевой образ жизни может быть совместим с современным и урбанизированным миром. В работе удалось в полной мере показать вариативность и характерные особенности в развитии современного кочевничества в регионе в зависимости от вектора социально-экономической политики и хозяйственных практик в трех странах. И хотя исследование основано на данных, взятых из проекта «Сохранение окружающей среды и культуры во Внутренней Азии», реализованного в период между 1991 и 1995 гг., все же основные выводы не теряют своей актуальности и по сей день.

На наш взгляд должное внимание необходимо обратить на социоэкологическую модель культуры немецкого ученого Ф. Шольца, представляющего ценный эвристический инструмент при разработке современных проблем номадизма в Монголии.

Особое внимание зарубежных исследователей привлекает динамика социальной трансформации монгольского общества. Для большинства этих работ характерно широкое привлечение полевого материала и строгая локальность исследований [16; 20; 27]. В целом, исследователи приходят к идентичным выводам о противоречивости в развитии номадизма, особо подчеркивая такие проблемные зоны, как отсутствие стра-

тегии и государственной системной поддержки при интеграции кочевого хозяйства в рыночную систему, узкий внутренний рынок потребления и неразвитость пищевой и легкой промышленности, как следствие резкий рост поголовья скота и связанная с ней деградация пастбищ, обнищание населения, социальное неравенство и др. Отдельную проблематику составляют изучение сельско-городской миграции кочевников, адаптация мигрантов к новым социальным условиям [25].

В последнее время разворачивается обширная дискуссия об уровне развития и особенностях политической организации во Внутренней Азии. Безусловно, новаторская работа британского антрополога Д. Снит вносит существенный вклад в разработку данного вопроса, предлагая новое понимание природы и формирования государства. Подробно анализируя истоки традиционных представлений об организованных в кланы и племена диких кочевниках, возникших с колониальной эпохи, Д. Снит доказывает, что они не имеют под собой реальной основы. Скорее, можно говорить о том, что эти образы являются продуктом теории социальной эволюции XIX столетия, которая рассматривала родство как организующий принцип в негосударственном обществе. Среди профессиональных кочевниковедов и антропологов работа получила неоднозначную оценку. Так, известные ученые А.М. Хазанов и Н.Н. Крадин указали на внутреннюю противоречивость выдвинутой теории, несоответствие ее историческим данным, а также поверхностный историографический анализ [32]. С другой стороны, статью К. Этвуда можно рассматривать как подтверждение некоторой части взглядов Д. Снита. К. Этвуд полагает, что в Монгольской империи государственность и кочевой строй не были в антагонистическом противоречии [10].

Следует выделить публикационную активность, связанную с выявлением кросскультурных связей и новой интерпретации влияния Монгольской империи на оседлые культуры [7]. В частности, в работах израильского медиевиста М. Биран подробно рассмотрена определяющая роль Чингисхана на развитие исламского мира средневековья. Т. Оллсен, один из самых известных специалистов по Монгольской империи, в своей книге «Культура и завоевание в монгольской Евразии» убедительно показал, что в рамках имперского пространства монголов были созданы условия, при которых стал возможен интенсивный обмен научными идеями и культурными достижениями между Востоком и Западом.

Солидный обзор истории землепользования с тринадцатого века по настоящее время в Монголии был сделан Э. Эндикотт [19]. Ей удалось акцентировать внимание на возникающие проблемы в постсоциалистическую эпоху в формах землепользования между потребностями традиционного животноводческого хозяйства и горнодобывающей отрасли, ориентированной на экспорт.

Разнообразие тематик и хронологический разброс выступают отличительной чертой работ американского историка К. Этвуда. Его статьи посвящены кооперации [12], послевоенному определению статуса Монголии и ее экономическому развитию [11], этнической идентичности в средневековом монгольском обществе [9]. Безусловно, широкая эрудиция позволила К. Этвуду составить объемную энциклопедию Монголии, включающую обширные сведения по истории региона, политике, ключевых фигурах, культуре, лингвистике, религии, экономике и другим сферам [8]. Блестящий специалист и знаток старописьменного монгольского языка он большое внимание уделяет источниковедческому анализу монгольских летописей, что позволяет пролить свет на многие проблемные вопросы историографии.

Нельзя не отметить работы по истории и современному положению буддизма в Монголии. В научный оборот вводятся новые источники, освещающие этапы распространения буддизма в монгольском пространстве. Исследователи подчеркивают, что возрождение буддизма происходит на основе местных особенностей и традиций, обозначают его роль в формировании национальной культурной идентичности [18; 33; 34].

Таким образом, проведенный экскурс позволил проследить значительную эволюцию монголоведческих исследований в зарубежной историографии с послевоенного периода до современности, от идеологического противостояния до достижения консенсуса и поиска новых теоретико-методологических подходов и актуальных проблем исследований.

Список использованной литературы и источников

1. Гольман М. И. Проблемы новейшей истории МНР в буржуазной историографии США / М. И. Гольман. — М. : Наука, 1970. — 178 с.
2. Гольман М. И. Современная Монголия в оценках западных авторов / М. И. Гольман. — М. : ИВ РАН, 2009. — 192 с.
3. Родионов В. А. Концепция сателлитизма в историографии советско-монгольских отношений / В. А. Родионов // Вестник Бурятского государственного университета. — 2010. — № 8. — С. 229–234.
4. Родионов В. А. Монголия на рубеже XX–XXI вв. случай постсоциалистической трансформации / В. А. Родионов // Вестник института социологии. — 2016. — № 3. — С. 139–156.
5. Шмыт З. Нация и этничность в Монголии / З. Шмыт // Этнографическое обозрение. — 2011. — № 6. — С. 58–70.
6. Aigle D. The Mongol Empire Between Myth and Reality / D. Aigle // Studies in Anthropological History. — Brill, 2014. — P. 383–393.
7. Allsen T. T. Culture and conquest in Mongol Eurasia / T. T. Allsen. — Cambridge University Press, 2004. — 262 p.
8. Atwood C. P. Encyclopedia of Mongolia and the Mongol Empire. Facts On File / C. P. Atwood // Inc., New York, 2004. — 678 p.
9. Atwood C. P. Historiography and transformation of ethnic identity in the Mongol Empire: the Öng'üt case / C. P. Atwood // Asian Ethnicity. — 2014. — Vol. 15, № 4. — P. 514–534.

10. Atwood C. P. Imperial Itinerance and Mobile Pastoralism / C. P. Atwood // *Inner Asia*. — 2015. — Vol. 17, № 2. — P. 293–349.
11. Atwood C. P. Sino-Soviet Diplomacy and the Second Partition of Mongolia, 1945–1946 / C. P. Atwood // *Journal Title : Mongolia in the Twentieth Call f: DS798*. — 1999. — Vol. 75. — P. 653.
12. Atwood C. P. The Mutual-Aid Co-operatives and the Animal Products Trade in Mongolia, 1913–1928 / C. P. Atwood // *Inner Asia*. — 2003. — Vol. 5, № 1. — C. 65–91.
13. Barkmann U. Lamaismus in der Mongolei (TEIL) / U. Barkmann // *Asien Africa Latinamerika*, 1994. — Vol. 22. — P. 34–40.
14. Barkmann U. Some aspects of Geopolitical Situation of Modern Mongolia / U. Barkmann // *Trust with Change and Development* / ed. by A. Sharma. — New Delhi, 1997. — P. 31–34.
15. Bawden C. R. The Modern History of Mongolia / C. R. Bawden. — London, 1968. — 460 p.
16. Bedunah D. J. Pastoralism and protected area management in Mongolia's Gobi Gurbansaikhhan National Park / D. J. Bedunah, S. M. Schmidt // *Development and Change*. — 2004. — Vol. 35, № 1. — P. 167–191.
17. Campi A. Globalization's impact on Mongolian identity issues and the image of Chinggis Khan / A. Campi // *Mongolian culture and society in the age of globalization*. — 2006. — P. 67–99.
18. Elverskog J. Two Buddhisms in Contemporary Mongolia / J. Elverskog // *Contemporary Buddhism*. — 2006. — Vol. 7, № 1. — C. 29–46.
19. Endicott E. A history of land use in Mongolia: the thirteenth century to the present / E. Endicott. — Springer, 2012. — P. 43–64.
20. Fernandez-Gimenez M. E. Spatial and social boundaries and the paradox of pastoral land tenure: a case study from postsocialist Mongolia / M. E. Fernandez-Gimenez // *Human ecology*. — 2002. — Vol. 30, № 1. — P. 49–78.
21. Fish M. S. The secret supports of Mongolian democracy / M. S. Fish, M. Seeborg // *Journal of Democracy*. — 2017. — Vol. 28, № 1. — P. 129–143.
22. Frieters G. Outer Mongolia and Its International Position / G. Frieters. — Baltimore, 1949. — 280 p.
23. Humphrey C. The end of Nomadism? Society, state, and the environment in Inner Asia / C. Humphrey, D. Sneath. — Duke University Press, 1999. — 355 p.
24. Janzen J. Mobile livestock keeping in Mongolia at the beginning of the 21st Century / J. Janzen // *Geography Research Forum*. — 2016. — T. 25. — P. 62–82.
25. Janzen J. Mobile livestock-keeping in Mongolia: present problems, spatial organization, interactions between mobile and sedentary population groups and perspectives for pastoral development / J. Janzen // *Senri ethnological studies*. — 2005. — T. 69. — P. 69–97.
26. Janzen J. Ulaanbaatar at the Beginning of the 21st Century: Massive In-migration, Rapid Growth of Ger-settlements, Social Spatial Segregation and Pressing Urban Problems; the Example of 4th Khoroo of Songinokhairkhan Duureg / J. Janzen, T. Taraschewski, M. Ganchimeg. — National University of Mongolia : Center for Development Research, 2005. — P. 47–81.
27. Johnson C. A. Social capital and the search for information: Examining the role of social capital in information seeking behavior in Mongolia / C. A. Johnson // *Journal of the Association for Information Science and Technology*. — 2007. — Vol. 58, № 6. — P. 883–894.

28. Kaplonski Chr. Mongolia: Democracy on the Steppe / Chr. Kaplonski. — L., 2004. — 273 p.
29. Kaplonski Chr. Reconstructing Mongolian Nationalism: The View Ten Years / Chr. Kaplonski // Mongolian Political and Economic Development During the Past Ten Years and Future Prospect / International Conference Hall. — Taiwan, 2000. — P. 328–365.
30. Kaplonski Chr. Truth, History and Politics in Mongolia: the memory of Heroes / Chr. Kaplonski. — L., NY., 2004. — 217 p.
31. Kaplonski K. Thirty Thousand Bullets. Remembering Political Repression in Mongolia / K. Kaplonski // Historical Injustice and Democratic Transition in East Asia and North ern Europe: Ghosts at the Table of Democracy. — London : Routledge Curzon, 2002. — P. 155–168.
32. Khazanov A. M. Review of David Sneath, The Headless State: Aristocratic Orders, Kinship Society, and the Misrepresentation of Nomadic Inner Asia / A. M. Khazanov // Social Evolution & History, 2010. — Vol. 9, № 2. — P. 206–208.
33. Kollmar-Paulenz K. Buddhism in Mongolia after 1990 / K. Kollmar-Paulenz // Journal of Global Buddhism. — 2003. — Vol. 4. — P. 18–34.
34. Kollmar-Paulenz K. Erdeni tunumal neretü sudur: die Biographie des Altan qayan der Tümed-Mongolen; ein Beitrag zur Geschichte der religionspolitischen Beziehungen zwischen der Mongolei und Tibet im ausgehenden 16. Jahrhundert / K. Kollmar-Paulenz. — Harrassowitz, 2001. — P. 80–83.
35. Kollmar-Paulenz K. Lamas und Schamanen: Mongolische Wissensordnungen vom frühen 17. bis zum 21. Jahrhundert. Ein Beitrag zur Debatte um aussereuropäische Religionsbegriffe / K. Kollmar-Paulenz, 2013. — P. 81–84.
36. Lattimore O. Nomads and Commissars. Mongolia revisited / O. Lattimore. — New York : Oxford University Press, 1962. — 238 p.
37. Murphy G. Soviet Mongolia: A Study of the Oldest Political Satellite / G. Murphy. — Los Angeles, 1968. — 249 p.
38. Rossabi M. Modern Mongolia: from Khans to Comissars to Capitalists / M. Rossabi. — Los Angeles, 2005. — 397 p.
39. Rupen R. How Mongolia is Really Ruled. A Political History of the Mongolian People's Republic. 1900–1978 / R. Rupen. — Stanford : Hoover Institution Press, 1979. — 225 p.
40. Rupen R. Mongols of XX century / R. Rupen. — Mouton : Indiana University Press, 1964.
41. Sanders A. Mongolia. Politics, Economy and Society / A. Sanders. — Oxford, London, 1987. — 179 p.
42. Tang P. Russian and Soviet Policy in Manchuria and Outer Mongolia. 1911–1931 / P. Tang. — Durham, 1959. — 271 p.

Информация об авторах

Батунаев Эдуард Владимирович — кандидат исторических наук, научный сотрудник Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, 670047, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6, e-mail: Batunaeveduard@mail.ru

Гомбожапов Александр Дмитриевич — кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела истории и культуры Центральной Азии, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, 670047, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6, agombozh@gmail.com.

Authors

Eduard V. Batunaev — Ph.D. in History, Research Worker at Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Russian Academy of science, Siberian Branch, 6, Sakhyanova St., Ulan-Ude, 670047, e-mail: Batunaeveduard@mail.ru.

Aleksandr D. Gombozhapov — Ph.D. in History, Senior Scientist of the Department of History and Culture of Central Asia, Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian branch of Russian Academy of Sciences, 6, Sakhyanova St., Ulan-Ude, 670047, e-mail: Agombozh@gmail.com.